Ольга Савельева
автор бестселлеров «Апельсинки. Честная история одного взросления» и «Попутчица. Рассказы о жизни, которые согревают»

ДВА САПОГА

Книга о настоящей, невероятной и несносной любви

Записки российских блогеров

Ольга Савельева

Два сапога. Книга о настоящей, невероятной и несносной любви

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Савельева О. А.

Два сапога. Книга о настоящей, невероятной и несносной любви / О. А. Савельева — «Эксмо», 2018 — (Записки российских блогеров)

ISBN 978-5-04-094879-6

Что делать, если жизненный свет исчезает под завалами проблем? Как сохранить веру в себя и свои силы? Как научиться быть счастливым каждый день? Ответ прост и очевиден – любовь. Только она способна открыть человеку путь к счастью и помочь справиться со всеми перипетиями судьбы.Ольга Савельева, популярный блогер, мотивирующий лектор и автор бестселлеров «Апельсинки» и «Попутчица», главным вектором своей жизни определила любовь. Семья для нее – спасательный трос, луч света, маяк в жизненном море. Именно о ней и написана эта книга. Ольге Савельевой удалось создать крепкую, надежную и веселую семью, и теперь она готова поделиться секретами семейного счастья с читателями.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094879-6

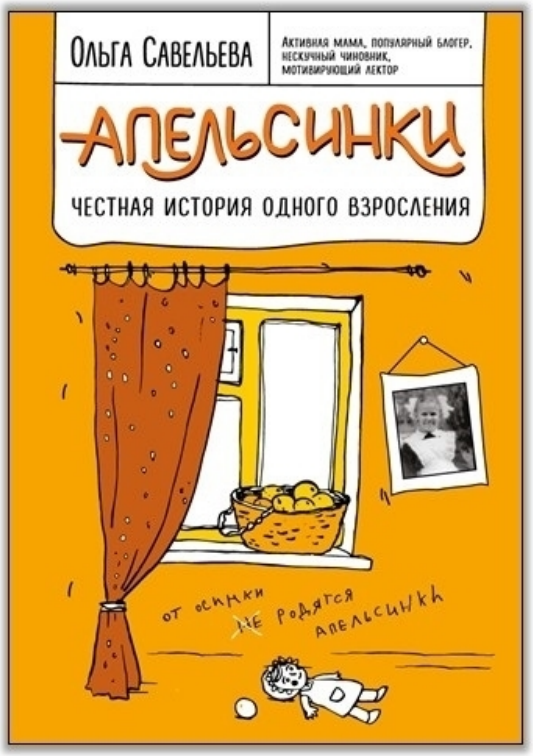
© Савельева О. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

КНИГИ, КОТОРЫЕ ВДОХНОВЛЯЮТ 6
Посвящение 8
Введение 9
Алонсо 10
Антресоли 13
Арбуз 15
Борщ 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Ольга Савельева
Два сапога: книга о настоящей, невероятной и несносной любви

КНИГИ, КОТОРЫЕ ВДОХНОВЛЯЮТ



1. Попутчица. Рассказы о жизни, которые согревают

Часто ли вы встречаете чудеса в повседневной рутине? Автор этой книги Ольга Савельева делится невероятными историями из жизни – о том, как сделать наш мир лучше и наполнить каждый свой день смыслом и добром.

2. Апельсинки. Честная история одного взросления

Книга Ольги Савельевой – удивительная история взросления маленькой девочки, которая превратится во взрослую женщину прямо на ваших глазах. Искренние рассказы о непростых взаимоотношениях с родителями и о собственном опыте материнства не оставят вас равнодушными.

3. Ты поймешь, когда повзрослеешь

Потеряв отца, Джулия устраивается психологом в дом престарелых, чтобы спрятаться от своих проблем и разобраться в себе. Её история – это долгий путь к душевному исцелению, который покажет вам, как поверить в себя, перестать цепляться за прошлое и начать новую полноценную жизнь.

4. День, когда я начала жить

Домохозяйка Мари решает порвать с угнетающей рутиной и отправляется увлекательное путешествие вокруг света. Вместе с ней вы поймете, чего хотите на самом деле, и узнаете, как расстаться со старыми привязанностями, избавиться от страха и вырваться из замкнутого круга повседневности.

* * *

Посвящение

Это посвящение должно было быть совсем другим.

Нежным и трогательным.

Но пять минут назад мы с тобой поссорились. Вот на пустом месте. Ты сказал, это ерунда, про то, что мне важно, я воскликнула: «Это не ерунда!» – и вот уже через минуту я из уютной сексуальной жены превращаюсь в склочную бабищу где-моя-скалка-и-бигуди.

Полыхая возмущением, я ухожу в другую комнату и хлопаю дверью.

Мой телефон прыскает письмом. Письмо от редактора, мол, Оль, а посвящение к книге будет?

«Будет! – гневно пишу я. – Будет вам такое посвящение!!!»

Ну так вот, дорогой мой муж.

Миша.

Эту книгу я посвящаю тебе.

Любить тебя очень сложно. Иногда даже, чтобы любить тебя, приходится на минутку разлюбить себя.

Но что бы ни происходило в нашей общей жизни, какую бы гору проблем мы ни преодолевали, какую бы лавину чувств я ни испытывала в твой адрес (а там замиксовано не только восхищение, уважение и любовь, там много чего), я никогда ни минуты не жалела за все эти годы, что выбрала тебя.

Именно с тобой я стала той, кто я есть. Такой, какая я есть. Честной. Сильной. Слабой. Смешливой. Ранимой. Разной.

И я никогда не устану благодарить тебя за это.

За то, что ты терпишь мои разности, потому что любишь их все.

И каждая ситуация, в которой мы были неприлично счастливы, и каждый вместе прожитый этап, каким бы сложным и болезненным он ни был, был нашей общей победой.

Спасибо тебе за медовый месяц длиною в 15 лет.

Я очень тебя люблю.

И я сейчас допишу это признание в любви, отправлю его в редакцию, подойду к тебе, размахнусь и влеплю… сочный поцелуй. А потом еще один. И еще.

Будешь знать, как меня обижать!!!

P. S. Представляю, как тебе будет стыдно, когда ты это прочтешь.

Потому что «это не ерунда»!

Введение

Однажды мы с друзьями играли в «Крокодила». Это когда нужно без слов объяснить зрителям загаданное тебе слово.

Есть простые слова. Их легко показать. Например «ложка».

Нужно просто изобразить, будто ты ешь невидимый суп. И зрители, которые отгадывают, закричат: «Ложка! Ложка!»

А есть сложные слова и понятия. Например «реальность», «катастрофа», «иллюзия».

Если мы с мужем в числе других игроков принимаем участие в «Крокодиле», происходит настоящая магия: каким бы сложным ни было слово, если его объясняет муж, я угадываю за 20 секунд. И наоборот – если загадываю я, муж тут же находит разгадку.

Однажды мне загадали слово «барсук». Я не знала, как показать именно это животное, задумчиво опустилась на четвереньки, готовясь показать длинный нос, как вдруг мой муж кричит:

– Барсук?!

Как же мы с друзьями хохотали!

Ну вот почему он не назвал лису, собаку или даже муравьеда? Почему барсук?

– Как вы это делаете? – поражены друзья. – Как? Невозможно же догадаться!

– Не знаю, – смеюсь я. – Наверное, за 15 лет мы просто научились читать мысли друг друга.

И это почти не шутка. Мы 15 лет изо дня в день смотрели в одну сторону, проживали одни эмоции. Смеялись и плакали, страдали и радовались.

«Два сапога пара» – говорят о людях, которые похожи.

Мы с мужем стали очень похожи. Не внешне, конечно – у меня нет бороды и усов, – но внутренне.

Для меня отношения – это как школьный предмет, изучать который следует всю жизнь. Очень сложный, но любимый предмет.

Нужно корпеть, зубрить, делать открытия и домашние задания, ошибаться, исправлять, закреплять пройденный материал и сдавать зачеты.

Я много лет изучаю этот предмет изнутри с полной отдачей. А еще наблюдаю за другими парами: как они справляются, на что контрольные сдают.

У меня накопилось много наблюдений и интересностей, целая коллекция. И я вдруг поняла, что их хватит на целый учебник.

Не тот, где сказано, как нужно и как правильно. Черт его знает, как нужно и как правильно. А тот, где собрано много историй о том, как бывает.

Веселая наглядная дидактика.

Выбирайте себе любой сапог из предложенного модельного ряда, на витрине только правый, примеряйте. И если подошел, может, со временем вы станете для него отличной парой.

Я сапожник с 15-летним стажем. Мой добротный брак мне не жмет и не трет. Брак без брака.

Есть такое расхожее выражение: «Сапожник без сапог». Это когда ты, скажем, готовишь еду другим, но сам остаешься голодным.

Так вот я сапожник с сапогами. Пишу только о том, в чем разбираюсь. Моим отношениям сносу нет. Поэтому и книга получилась складная, нужного размера.

Книга о настоящей, невероятной, несносной любви.

Ваша Попутчица

Алонсо

Испания – это дистиллированная страсть, заключенная в солнце, вине и хамоне.

Машка влюбилась в Испанию за семь дней и восемь ночей отпуска. Потеряла голову. Даже не так – специально забыла, чтобы вернуться.

В последний день пребывания в Барселоне за поздним завтраком в открытом кафе она сидела в темных очках: всю ночь прорыдала из-за предстоящего расставания.

На рассвете ходила к морю и высыпала в него всю мелочь, чтобы примета про оставленную монетку сработала наверняка, на все четыре евро.

Парень, расставлявший на пляже шезлонги для нового солнечного дня, весело подмигнул Машке. Ей захотелось подойти к нему и сказать: «Слушай, Фернандо, или кто ты там. Женись на мне, а? Только сегодня. А то мне завтра улетать».

Но Машка промолчала. Она, конечно, сумасбродная, но не настолько.

За соседним столиком в кафе пожилая пара за чашечками эспрессо что-то бурно обсуждала по-испански. Машка грела уши – купалась в чарующих звуках безбрежного испанского языка. Такой он нежный, страстный, зовущий, местами грассирующий, местами задиристый.

Вдруг Машка услышала, как четко и весело женщина сказала мужу: «Лос океанос…»

У Машки защемило сердце. Как красиво! Лос океанос! Что бы это ни значило. Все, решено, я хочу тут жить.

– Так. – Маша сдула со лба непослушную кудрявую прядь. – План такой. Выучить язык, найти испанца, выйти замуж. Вернуться сюда испанкой на постоянное место жительства.

Именно с такой решимостью она и села в самолет, вернувший ее на родину.

Искать испанца, к сожалению, предстояло в Москве. Это затрудняло дело. Концентрация натуральных испанцев на Арбате невелика, а уж в Ясенево, где жила Маша, и подавно.

Но выход есть всегда. Даже если вас съели, у вас два выхода. Машка нашла сайт, где люди учат языки, напрямую общаясь с носителями. Там есть испанцы, учащие русский, и есть русские, учащие испанский. Главное – встретить нужного человека с хорошим знанием языка.

Купидон почесал репу и выстрелил в Машку фотографией Алонсо.

Алонсо в переводе с испанского означает «благородный и готовый». Он таким и был. Сначала очень благородным. И через пару дней очень готовым.

Говорил комплименты на ломаном русском, на ходу теряя падежи, склонения и совесть: «Красивый Машья, хотеть тебя в глаз». Это означало, что Алонсо, несмотря на языковой барьер, очень хочет видеть свою русскую нимфу.

Машкин Лос океанос забрезжил фейерверком сбывающейся мечты. Мысленно Машка уже надевала любимое платье – с вырезом и на бретельках – и шла гулять по пестрым улочкам Барселоны, любуясь фонтанами и туристами, а по выходным ездила в Мадрид на шопинг в машине с открытым верхом, вдохновенно рассматривала творения Гауди, прижавшись к плечу своего Алонсо. Вокруг них прыгали два нарядных мальчика с разными именами, но общим отчеством Алонсович. Простое счастье, построенное на трех испанских китах – солнце, вине и хамоне.

Машка и Алонсо стали учить языки, но вокруг них так явно витала страсть, что концентрация сексуального возбуждения в коммуникации была зашкаливающей.

Языкового погружения не получалось. Получался какой-то флирт в стране невыученных уроков. Нет, был и язык, и погружение, но как-то совсем не про артикли и орфографию.

– Кьеро эстар контиго пара сьемпре, ми асес фелиз. – Алонсо не скупился на комплименты. Машка таяла пломбиром и, поправляя бретельку, смущенно выговаривала в ответ:

– Ну вот ты опять, а как же падежи?

Русский язык оказался очень сексуальным и романтичным для Алонсо. Влюбленные падежи развращали Алонсо Машкиными леденцовыми губами.

Родительный падеж сладострастно выяснял планы на вечер: «Кого?», дательный бесстыдно кокетничал: «Кому?», творительный вытворял непристойности, склонения склоняли к открытому разврату.

Испанские мужчины правда очень красивые. Но Алонсо – бог. Подтянутый, статный, с волевым подбородком и смоляными волосами, разделенными волнорезом пробора. Наличие двухэтажного дома на побережье завершало образ писаного красавца. Его хотелось прижимать к вырезу груди и фотографировать.

Машка сдалась: бросилась в омут чувств. Сказала нежное «Си». И показала, смахнув бретельку.

Алонсо решительно взял билет на рейс до Москвы, чем окончательно купил Машкино расположение.

Ее мечта, ее Лос океанос прилетал в Домодедово в 19.45 в пятницу вечером. Через четыре дня.

Четыре дня, почти 100 часов, но они пролетели мгновенно. Все это время Машка драила, отмывала, вентилировала и эпилировала себя и квартиру в хрущевке в Ясенево.

Алонсо прилетал на три дня. Пятница, суббота, воскресенье. И жить он будет у нее. А что время терять? Взрослые же люди. Всего три дня, преступно мало, чтобы построить свою судьбу.

Первый поцелуй, страстный и волнующий, случился еще в зоне прилета. Поездку в такси еле вытерпели. Потом лифт, в котором все почти случилось. И прихожая, которая соединила влюбленные сердца. Машка так себе все и представляла. Пока все шло по плану.

В субботу Машка повела своего Алонсо в центр хвастаться Москвой: они приехали на Красную площадь.

Алонсо выглядел отстраненным, не обращал внимания на достопримечательности. Но была одна странность.

Алонсо любовался собой так откровенно и самозабвенно, что Машке стало неловко. Она тоже пару раз смотрела на себя в зеркало, но лишь для того, чтобы освежить губки и поправить прическу. Алонсо выхватывал у нее зеркальце и подолгу смотрел на себя. Если бы он был дикарем, то в обмен на бусики и зеркальце у него можно было бы выменять родную мать.

Испанец не упускал возможности полюбоваться собой в витринах магазинов. Объективно говоря, любоваться было чем, но русские мужчины так

не делают. А если и делают, то только те, что качаются в спортзалах и хотят получить одобрение бицепсного результата. Ну сфотографировал мышцы, ну выложил в соцсети, ну и хватит самолюбования.

Алонсо быстро устал и закапризничал. Они с Машкой зашли в ресторан, сели у зеркальной стены. Алонсо повеселел и стал гладить под столом Машкину коленку.

Машка тонула в смешанных чувствах. Вроде вот он, Лос океанос, сидит и смотрит на свой идеальный пробор, с другой стороны, сердце Алонсо было полно любви к себе, и, вероятно, в нем не было места для Машки.

В ресторане Алонсо по Машкиному совету заказал борщ и голубцы. Впереди была обширная программа, и нужно было хорошо подкрепиться. Испанцы обедают и пьют кофе в разных местах. Поэтому следующим пунктом программы была кофейня через два квартала, а потом поездка на теплоходе по Москве-реке.

Алонсо красиво ел борщ. Но случилось страшное. Маленькая бордовая капелька брызнула своей свекольной мякотью на манжет рубашки Алонсо. Он помрачнел.

– Надо солью засыпать, – засуетилась Машка. – И застирать потом. Соль впитает.

Но, несмотря на все предпринятые действия, на рубашке осталось чуть заметное розовое пятнышко размером с монетку. Настроение Алонсо скатилось ниже плинтуса.

– Поехать дом. Нэт кораб, нет рэка. Нэ хотеть.

Машка с Алонсо поехали домой. По пути Машка думала, что трое суток – это очень много для того, чтобы понять: твой или не твой это человек.

В воскресенье провожать Алонсо в аэропорт Машка не поехала. Заказала ему такси.

– А если я потерянь?

– Не потеряешься, мне в программе покажут, как ты едешь.

– А если я блудун?

– Заблудишься? В аэропорту? Не заблудишься, там везде табло с рейсами.

Алонсо надул губки и краем глаза проскользнул по зеркалу. Поправил волосы и расстегнул верхнюю пуговку на рубашке.

Машка поморщилась. Скорей уже выметайся. Она смотрела вслед такси, увозившего ее несбывшегося Алонсо, и думала, что ее Лос океанос вернулся на исходную. А значит, нужно начинать все сначала. Машка тяжело вздохнула.

– Блудун, бл… – прошептала она со злостью. – Лос сука океанос.

Шерше ля фам – ищите женщину. А как будет «ищите мужчину»? И не по-французски, а по-испански? Не знаете? Ну и ладно.

На Машкином языке женщины в активном поиске любви это будет так: Лос океанос.

Антресоли

– Давай антресоли разберем? – на днях говорит муж.

– Ты? Разберешь? Антресоли?

Ну, думаю, чудеса! Муж в кои-то веки решил выбросить хлам. Старье отправится в мусорные пакеты и на помойку поедет? Да ладно! Включаю Станиславского: не верю.

Дело в том, что мой муж – человек-улитка. Скопидомок. Он категорически не умеет выбрасывать вещи и избавляться от ненужного.

Не умеет, потому что не научили. Даже наоборот: он рос в гордой бедности родительского дома, где каждая вещь, отслужившая свой срок эксплуатации, бережно хранится на всякий случай, а иногда и трогательно реинкарнирует в новый функционал.

Майонезная баночка, например, как кошка с девятью жизнями: может, щедро раздарив свой майонез, стать хранилищем для аджики, затем вазочкой для прорастающей луковицы, потом тайником для саморезов, потом головным убором – цилиндром для пластмассового пупса сестры, потом тихо подремать пару лет на полке с крышками от трехлитровых банок для консервации и наконец гордо умереть на стрельбище в качестве мишени.

Больше 20 лет человека, который потом стал моим мужем, учили складывать целлофановые пакетики на полочку, до изнеможения чинить прохудившееся, а вещи, которым объективно пора на свалку, свозить на дачу.

Дача – это такая отсроченная мусорка, коллекция причудливого хлама, ассорти старья и металлолома. Такой тонкий срежиссированный самообман.

Идя на поводу у утопического «а вдруг пригодится?», человек стремится ничего не выбрасывать, а только перепрятывать. Так что, если кому понадобится велик без колес, треснувшая лейка (ее еще можно заклеить), куртка без «молнии» – welcome к нам.

На соседском дачном участке зарыт огромный остов от бетономешалки. Такая огромная тяжелючая пузатая бочка без дна. Ее можно покрасить в полосатость, засунуть туда Депардье – и будет вылитый Обеликс (или Астерикс?).

Сосед приволок ее со свалки, хотел мешать бетон (на черта?) и планировал восстановить бочку до полноценной бетономешалки (сам?), но за восемь лет руки как-то не дошли, и он похоронил ее в земле, чтоб не украли, а спустя годы продал дачу новым хозяевам.

Так новые хозяева – не поверите! – только порадовались такому «кладу» под землей и вместо проклятий в адрес старьевщика доплатили ему за эту бочку, не засаживают это место саженцами смородины, ждут, когда им самим она пригодится. Это я к тому, что мой муж еще не клиническая улитка. И что клинических как раз вокруг полно. На фоне некоторых мой муж выглядит лайтовым коллекционером раритета.

Я тренирую память сыну и играю с ним в такую игру: показываю картинку с изображением 10–20 разных предметов, а потом отворачиваю ее и прошу сына назвать изображенные предметы по памяти.

Так вот я уверена, что, сыграй я в эту игру с мужем, мол, вспомни, что запихнуто в антресолях или что за тайны хранят недра сарая, муж продул бы всухую.

Психологи говорят, что если ты не пользовался вещью год – значит, она тебе в принципе не нужна. Смело выбрасывай.

Муж кивает, слышит, понимает. Но привычка – вторая натура.

Объективности ради замечу, что я сама та еще свинка Пеппа. Я не перфекционист в вопросах уборки и готовки. Но вот выбросить что-нибудь ненужное – это меня хлебом не корми, это я с радостью.

Иду к мужу со старыми трениками с лампасами. Говорю:

– Миш, тебе нужны эти штаны? Ты в них еще в институте гонял. Выбросить хочу.

– Я в них на даче буду траву косить.

> Хлам – это якорь, и нужно не системы хранения в доме совершенствовать, а голову чинить. И если не скидывать прошлое вовремя, можно самому покрыться паутиной среди старых примусов, выживших из ума пейджеров и ржавых чайников.

– На даче 18 пар штанов покорно ждут своей очереди на покос. Даже если ты будешь переодеваться для каждого покоса в новые штаны, все тебе не сносить. И ждет тебя судьба лампасного гопника-модельера с этими покосами.

– Ну мало ли, машину чинить.

– Какую машину чинить? Мы давно подарили наш «ВАЗ-99», и у нас уже давно машина, которую чинить не нужно.

– Ну мало ли зачем.

Мы оба понимаем, что он никогда не наденет больше этих лампас, но выбросить – это выше его сил.

Я одно время тихонечко крысятничала – подворовывала его вещи и, крадучись, пугливо оглядываясь, выносила их на свалку. Но случился прокол: муж встретил у мусорки бомжа Василия в его (мужа) любимом сером свитере с криво заштопанным локтем, и мой обман вскрылся. Был скандал. Муж, тыкая в меня старым, не раскрывающимся больше зонтом, кричал, что самая старая вещь в его арсенале – это я сама и что если он вдруг научится выбрасывать, то первой со свистом навстречу свободе вылечу я. А я сидела, виновато понурясь, и в ужасе вспоминала, что еще успела подарить Василию.

Я люблю мужа. В фундаменте моей любви априори заложено желание принимать в человеке его недостатки и деликатно мириться с ними. При этом муж утрамбован достоинствами под завязку, так что треснутая лейка в сарае – это невысокая цена за счастье.

Я купаю дочку в специальной пластмассовой ванночке, а недавно на дне появилась трещина, и я поставила ее в прихожую, чтобы первый, кто будет выходить из дома, захватил ее и вынес на мусорку. Спустя час я обнаруживаю лопнувшую ванночку в комнате под столом. В ответ на мой недоумевающий взгляд муж поясняет:

– Зачем просто выбрасывать? Жалко! Вот пойдем с сыном на горку, захватим ванну и съедем в ней с горы! Знаешь как будет весело?

По существу вопроса у меня все.

P. S.

Главней всего погода в доме,
а все другое – хламота.
Есть я и ты, а все, что кроме, —
Безногий стул и палка от зонта.

Арбуз

Однажды с нами случился арбуз. Это было в самом начале отношений, когда еще страсть, помноженная на молодость, добавляет хмель даже в утренний кофе.

Прожить друг без друга целый день – немыслимо. Страсть такая, что ломаются кровати и застревают лифты.

Молодость – это бурлеск чувств и фейерверк эмоций.

Я болезненно ревнива, беспричинно обидчива и совершенно невыносима. Одним словом, я молода и объективно хороша. Миша тогда руководил подмосковной молодежной организацией, у него был плотный график мероприятий. Вокруг постоянно вились какие-то школьницы-выпускницы, трогали его за локти, спрашивали глупости. Я устраивала сцены просто так – метила территорию.

На лето был запланирован выезд активистов его организации в морской летний лагерь для молодежи. Миша похлопотал и включил меня в состав делегации. Это был ультиматум: или вместе, или все. Миша пьянел от меня, я подавляла его волю. Я физически ощущала свою власть над ним.

Мы сели в автобус и поехали на море. Там было много молодости, смеха, драйва и счастья.

Однажды вечером организаторы лагеря позвали молодежь на костер прямо на берегу моря. Нас было человек 40. На пляж принесли три арбуза. На 40 человек это очень мало: кому-то точно не достанется. Вокруг арбузов образовалась толпа, я не пошла в нее. У меня был Миша, он все решит.

Миша достал два больших, улыбчивых, красных и сочных куска арбуза и, довольный, протянул мне один. Мы хотели сесть на песок и съесть сладкую добычу в обнимку, но тут я увидела девочку. Она тоже была в этом лагере, приехала из другого города. Маленькая и хрупкая, совершенно беззащитная, она даже не пошла в толпу за арбузом. Видимо, побоялась, что затопчут: просто стояла в стороне, кутаясь в курточку и изображая безучастность.

Защемило сердце. У меня здесь было все: парень, любовь, солнце, море, счастье. У нее – одиночество. Я решительно встала, подошла к девочке и отдала ей свой кусок арбуза.

– Держи!

– Ой, – смутилась она и взяла арбуз двумя ладошками. – Спасибо большое.

Я вернулась к Мише, села рядом, откусила от его куска арбуза. Вот и все. Это отличный образ, он раскрывает меня полностью как облупленную. Я всю жизнь живу с мужчиной, который достает мне арбуз, а я отдаю его другим, чтобы откусить от его куска. Получается благотворительность за чужой счет. Муж постоянно говорит мне, что «ты где-то там», «ты для всех», «ты не рядом». Там я нарядная, летящая, на каблуках, а дома уставшая, в тапках.

Муж как бы спрашивает: зачем мне доставать тебе арбуз, если он не тебе? Если я захочу заняться благотворительностью, я займусь сам. Мне не нужно промежуточное звено.

– Ну как не мне? – удивляюсь я. – Мне. Просто это подарок, а с подарком я вправе сделать все, что хочу.

Но Миша возмущен. Пришло время собирать камни. Он как бы просит назад все свои арбузы. А я их раздала. Нет их.

Я все годы жила в латентном чувстве вины. За то, что я такая и не могу иначе. Ну, прости. Мне сегодня нужно уйти, но я вернусь вечером домой. Переобуюсь в тапки, это да. И обниму тебя. Сварю борщ. Уложу детей. Лягу с тобой в постель. Разве этого мало? Но Мише – мало.

Я очень люблю свою семью. И ей я отдаю максимум того, что есть. И даже если я ухожу на работу, то это тоже для семьи.

Муж говорит: всё, что ты делаешь, ты делаешь для себя. Не надо врать себе, что для семьи. Я думаю, он прав: я все делаю для себя. Мы все всё делаем для себя, мы все эгоисты.

Ты добываешь нам арбуз для себя, так ты чувствуешь себя мужиком. Ради любимой женщины хочется добывать арбузы, разве нет? А я отдаю, я такая и не хочу за это оправдываться. Я хочу, чтобы ты понял: если я так не сделаю, это буду не я.

Ты можешь съесть свой арбуз сам, но это будешь не ты. Ты любишь свою семью и всю жизнь все делал для нее, для нас. Ты скуп во внешнем мире, а для семьи – самый щедрый человек. Но ведь в этом наше счастье. Разве нет?

У детских психологов есть тест для определения ребенка, который подвергается домашнему насилию. Предположим, есть подозрение, что дядя Боря – сволочь. Ребенку рассказывают сказку, в которой есть добрая принцесса, добрый принц, злая Баба-яга и Кощей. После сказки у ребенка спрашивают:

– Вот мама, она добрая, как принцесса?

– Дя, – говорит малыш.

– А папа – добрый, как принц?

– Дя.

– А дядя Боря? Добрый?

– Неть, – машет головой малыш. – Он злой, как Кощей…

Все ясно, подозрения подтвердились. У детей все просто: есть хороший – есть плохой. И больше никаких. Мы все взрослые дети. По сути, у нас тоже так: есть кто-то хороший, а есть дядя Боря. Хороший – это я. Плохой – это та, вторая сторона в конфликте.

Например во время ссор мой муж кричит, его глаза наливаются злостью. Я защищаюсь от его крика своим. В итоге мы мечем друг в друга копьями громогласных обвинений, раним дротиками обид и в этой борьбе теряем желание отыскать истину. Остается только одно желание – побольнее укусить другого. Внутри у обоих разливаются раздражение и разочарование. Я не хочу, чтобы со мной так обращались, забываю, что муж не враг, а друг, которому плохо. Много лет он мой лучший друг. Может, он орал не потому, что гнилой подлец, а от отчаяния? Потому что устал говорить спокойно. Он же говорил, говорил, говорил.

А я все ела арбуз. Тот второй кусок, который по сути его. А свой я уже отдала. И вот я ем его кусок, а он оставался голодным все эти годы, голодным и злым. И вот эта злость и выплескивается в ссорах.

Обычный человек в кризисе начинает вести реестр чужих недостатков, которых полно. Ему очень важна эта работа, которая примиряет его с собственной внутренней неудовлетворенностью, он таким образом прощает себя за несовершенство. Это нужно перетерпеть, прожить, а потом помочь и спасти его.

Хороший человек становится плохим не от хорошей жизни. Мужчины в определенном возрасте проходят жесткую трансформацию, случается перелом.

> Когда два близких человека попали в кризис, важно помнить, что они остались близкими людьми. Сложно понять, что второй человек тебе не враг, а если он ведет себя как враг, то своим поведением хочет сказать что-то важное. Например, попросить помощи.
>
> Ему самому не нравится быть плохим, но разбитая ваза – это элемент привлечения внимания. Чьи же вазы ему бить, как не твои?

И как он срастется – черт его знает. Все зависит от самих людей. Захотят ли они терпеть непредсказуемую турбулентность отношений и гипсовать переломы? Или проще разойтись, выйти на новый уровень трансформации и идти дальше своей дорогой? Тут нет правильных ответов. Только выбор.

Он один, если есть любовь, он другой, если ее нет, он разный и всегда правильный. Иногда вместе лететь в пропасть правильно, отпустить руку – правильно, ждать наверху – правильно, ждать внизу – правильно.

> Мужчины ломаются чаще всего из-за внутренней неудовлетворенности своими результатами, из-за сбитых прицелов, разочарований, потерянных вдохновений, оборванных крыльев, прерванных полетов.

Сейчас я могу достать арбуз сама. Я все умею! Достану и накормлю своих детей. Но тот, который достает муж, всегда слаще. И я говорю мужу: ты мой герой! Он понимает, о чем я. Дело не в арбузе, дело в том, что мы оба выучили новые правила игры.

Я не верю в идеальные браки. Ну, когда люди встретились – и дышат в унисон, «пока смерть не разлучит их». Я уверена, что любое дыхание в унисон имеет свою цену, которую люди готовы заплатить ради любви.

Мне подруга рассказывает, что ее родители вместе 40 лет и ни разу не поссорились.

Я молчу, не комментирую. Но думаю, это не про отсутствие противоречий, а про умение перерабатывать возражения молча. Люди из разных песочниц лепят разные куличики. Не могут два разных человека совпадать всегда и во всем.

> Я считаю, любые качественные долгосрочные отношения заслуживают кризиса. Это полезно, это прививка для улучшения иммунитета семьи.

Наш арбузный кризис прожит и съеден, остались корки и косточки. Но внутри не разочарование – удовлетворение. Это был очень вкусный урок.

Борщ

Однажды я колдовала над борщом. Борщ – это вид творчества, насыщенная вкусовая и цветовая палитра. Я люблю творчество, предполагающее фантазию.

Гречка коричневая, с ней ничего не придумаешь интересного, разве что сосиски как свечки повтыкать. А борщ – другое дело. Тут я сальвадорю как хочу, ищу свой личный рецепт.

Моя мама варила борщ очень вкусно, но каждый раз по-разному. Я удивлялась, что вкус каждый раз новый.

– Ну, просто в этот раз я не добавила лук, – поясняет мама.

– Экспериментируешь?

– Нет. Просто лука нет.

Однажды не было свеклы, и она сварила борщ без свеклы. Он был желтый.

– Это не похоже на борщ, – пожала я плечами.

– Вполне съедобно.

– Да нормально, вкусно, просто это не борщ.

– Борщ.

Маме важно было всегда быть правой. Ей быть правой было важнее, чем быть счастливой. Поэтому она всю жизнь была бескомпромиссно несчастна, но права.

Я сварила мой первый борщ для мамы. Я старалась, хотела удивить и получить похвалу.

– Мам, иди есть борщ, – позвала я маму.

Я сварила этот борщ по рецепту. Мама никогда не учила меня готовить. Не знаю, почему.

Мама торжественно села за стол. Я налила ей в тарелку дымящуюся красную жижу, водрузила островок сметаны, заштриховала натюрморт укропом. Села напротив. Мама попробовала.

– Вкусно? – спросила я.

– Ну кто так варит борщ? – спросила мама.

– Невкусно?

– Ну кто же в борщ кладет лимон?

– Я. Это вместо уксуса. Та же кислота, только красивая.

– Не вздумай так мужу сварить. А то свекровь тебя тут же из дома выгонит.

– Это мой рецепт. Разве не вкусно?

– Вкусно, но как-то не по-человечески.

– Мам, ну ты сама каждый раз варишь по-разному. Это эксперимент. И получилось вкусно. Разве нет?

– Ну, как скажешь.

Мама не умела меня хвалить и не хвалила. Поэтому получилось, что я сама себя хвалила, а мама просто молчала. Как бы соглашалась.

Я расстроилась, хотя мама съела всю тарелку. Мне не хотелось больше добавлять в борщ лимон и вообще варить его не хотелось.

В столовой министерства, где я работала, давали борщ. Я его брала, потому что он всегда был вкусный и одинаковый. Такое впечатление, что они наварили триста литров и заморозили. И весь год продавали мне по тарелке.

– Как вам удается так одинаково варить борщ? – спросила я у повара. Он был грузин.

– Я не знаю, я боюс ошибить. Варю по рецепт. По весам граммы. Чтобы не ошибить. Я харчо умею вкусно. Бери харчо.

Но я не хочу харчо. Я хочу борщ.

Потом я в первый раз сварила борщ мужу. Очень старалась. Добавила ложку сахара, который делает насыщенным цвет свеклы. И лимон, который забраковала мама.

В моем рецепте есть лимон, для меня это важно. Это мое мнение, выраженное в борще. Мне кажется, это вкусно, хоть мама так и не думает. Сейчас проверим на муже.

Я красиво накрыла на стол, положила салфетки и приборы, поставила чашу с яркими овощами, подала борщ в супнице. Сама я была не голодна, напробовалась, пока готовила, и просто села рядом.

Муж ел с аппетитом. Сначала распробовал первую ложку, а потом весело съел всю тарелку.

– Может, добавки? – спросила я. Я смотрела, как он ест, подперев ладошкой подбородок, и наслаждалась.

– Нет, – неуверенно сказал муж.

– Почему? Тебе не понравилось? Лимон? Я могу убрать лимон.

– Оль, если честно, ты его пересолила.

– Ой, сильно? – Я вспомнила, что солила его в самом начале. Потом в процессе. И перед самой подачей. – А зачем же ты ел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.